
НАСЛЕДИЕ

В. М. ХВОСТОВ

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ¹

Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – выдающийся ученый и педагог. Окончил юридический факультет Московского университета в 1889 г. Был преподавателем, а с 1899 г. – профессором. После «дела Кассо» вместе с группой профессоров покинул Московский университет и преподавал на Высших женских курсах. Был сопредседателем Московского психологического общества, в 1917 г. пытался создать научный Институт социальной психологии. Занимался вопросами философии истории, методологии обществоведения, этики, психологии, социологии.

Предлагаемая работа представляет не только общий очерк состояния социологии начала XX в., она раскрывает основной круг научных проблем, формулирует основные методологические подходы. В отличие от фундаментальной монографии «Социология» (опубликована только часть I) дает краткое, но целостное представление о круге социологических проблем.

Ключевые слова: общество, человек, общение, закономерность, социальный инстинкт.

Учение о закономерностях общественных процессов

Элементарный очерк

(Издательство «Русский книжник», Москва, 1923 г.

От Издательства (ко 2-му изданию))

Русская литература по социологии продолжает пополняться новыми изданиями. В этом сказывается один из заметных уклонов русской научной мысли в области гуманитарного знания – интерес к установлению общих законов социальной жизни. При постоянном нарождении новых оригинальных работ в этой области изда-

---

¹ Текст двух глав подготовлен Ю. В. Любимовым по изданию 1923 г. Внесены небольшие технические изменения.

тельство сочло нужным выпустить вторым изданием (естественно, без перемен) книгу трагически погибшего проф. В. М. Хвостова по двум причинам: во-первых, она представляет собою одно из неотъемлемых звеньев серии «Общественность и Культура», выпускаемой издательством; во-вторых, по огромной эрудиции автора в области социологии и его продолжительным занятиям здесь (результатом коих явился его большой труд по социологии, второй том которого, как раз содержащий систематическую часть, доселе не увидел света) сам по себе этот популярный очерк «Основ социологии» при общепризнанном для автора таланте ясного изложения должен представлять значительную ценность в ряду общедоступных руководств по социологии.

Ноябрь. 1922 г.

Предисловие автора к 1-му изданию

На русском языке имеется довольно обширная литература по социологии, не столько оригинальная, сколько переводная. Но среди этих книг мало таких, которые ставили бы себе задачей дать изложение популярное, доступное малоподготовленному читателю. Между тем потребность в таких руководствах очень велика, так как интерес к социологическим вопросам возрастает. Предлагаемый элементарный очерк предназначен к тому, чтобы хоть сколько-нибудь пополнить этот пробел. Автор прекрасно сознает всю трудность поставленной задачи. Социология есть одна из основных наук и потому отличается большой отвлеченностью. Излагать ее основы в популярной форме поэтому очень трудно. Затем, это наука еще очень молодая и не установившаяся окончательно. В современной социологии имеется целый ряд научных направлений, сторонники которых в значительной степени разногласят между собой. Представить в элементарном и кратком очерке все богатство этих направлений немислимо. Эту задачу автор пытался разрешить в другой своей книге (Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе. 1917). В настоящем же очерке он только старался быть по возможности объективным и представить основные очертания социологических принципов по возможности всесторонне. Наконец, не установилось даже окончательного решения о том, какие именно вопросы составляют центральный пункт самой социологии, как называть отдельные части этой довольно сложной науки. Автор держится того мнения, что под социологией в тесном

смысле этого слова следует разуметь только учение о природе общества и об основной закономерности общественных явлений. Что же касается учения о типических формах развития разных общественных союзов, каковы семья, государство, и разных продуктов общественной деятельности, каковы язык, религия, право, то автор считал бы правильным этой части науки, которая занимается исследованием уже более сложных проблем и в изложении предполагает знакомство с первой категорией учений, дать имя социальной типологии. В настоящий очерк включены поэтому только проблемы основной социологии².

По своему изложению очерк рассчитан на читателя, не обладающего систематической подготовкой в области общественных наук; конечно, для очень молодого или слишком мало сведущего читателя изложение все же может показаться трудным, но едва ли можно, не жертвуя точностью и научностью языка, сделать его легче в столь отвлекенной области. Во всяком случае, большой беды в некоторой трудности языка автор не видит. Серьезные занятия наукой неминуемо сопряжены с напряжением сил, и чрезмерное облегчение труда читателя может быть достигнуто лишь такими средствами, которые внушат ему неправильное представление о характере тех проблем, которыми он занимается; самые проблемы эти рискуют быть представлены в слишком упрощенном виде.

В конце книжки приложен краткий указатель литературы. Само собою, что автор при его составлении не только не претендовал на какую-либо полноту, но даже и на то, чтобы указать все наиболее ценные пособия. Он хотел только дать возможность читателю от предлагаемой книги постепенно перейти к более глубокому изучению социологии, истории социологических учений и социальной типологии и выбирал изложения, наиболее просто написанные и наиболее объективного характера по разным вопросам названных дисциплин. В указанных пособиях читатель найдет и более подробную библиографию.

Москва, 27 марта 1919 г.

---

² Более подробное и глубокое развитие положений, защищаемых в настоящей книжке популярного характера, автор дает во II томе своей «Социологии», который вполне приготовлен к печати и только по чисто техническим затруднениям переживаемого момента не мог еще выйти в свет.

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ*Учение о закономерности общественных процессов***Глава I. Что такое общество?**

Сомнения в реальности общества. Особые свойства общества. Особые продукты общественного творчества. Общество как реальность духовного порядка. Отличительные особенности духовных процессов. Общество как процесс духовного общения. Социальная закономерность. Предмет социологической науки.

Мы постоянно говорим об обществе как об особой единице, представляем себе общество как что-то вроде живого существа, которое может мыслить, чувствовать, действовать. На каждом шагу мы слышим фразы вроде следующих: «Общество возбуждено», «Общество охвачено революционным порывом», «Общество устало, наступила апатия», «Общественное мнение осуждает этот поступок», «Общество преклоняется перед этим героем», «Общественная власть отдала распоряжение», «Общественная власть заключила это лицо в тюрьму». Возникает вопрос: как следует понимать все подобные выражения? Точно ли общество может быть возбужденным или усталым; действительно ли существует общественное мнение, которое может осуждать или одобрять что-либо; как смотреть на то, что называется общественной властью? Очень часто от людей, мало думавших над подобными вопросами, приходится слышать резко отрицательный ответ по этому поводу. Обычно эти люди говорят, что на самом деле никакого общества как особого предмета не существует. Есть отдельные люди, эти люди мыслят, чувствуют, действуют, собираются группами, но в подобных группах мы никого, кроме этих людей, не видим; здесь нет «общества» как чего-то независимого от отдельных людей, отличного от простой их суммы. Рассуждая таким образом, человек приходит к заключению, что общественное мнение, общественная власть – это только своеобразные изречения, употребляемые для сокращенного обозначения деятельности отдельных людей; ни на какую особую реальность эти изречения не указывают. Если мы говорим о раздражении или усталости общества, то на самом деле следует думать о том, что раздражены и устали отдельные люди, но только в большом количестве. Если мы рассуждаем об отношении общественного мнения к тому или иному факту, то и в этом случае на самом деле речь идет только о совпадении во мнениях многих

отдельных людей. Точно так же и общественная власть сводится в действительности к поступкам тех людей, которых мы называем ее органами. Не власть сажает меня в тюрьму, а тот полицейский, который для этого за мной приходит и передает под охрану тюремщиков. Единственной реальностью оказывается отдельный человек. Что же касается общества, то его называют созданием нашей мысли и воображения. О нем говорят как об абстракции; находятся даже такие ученые, которые объявляют, например, государственную власть и ее веления просто «фантазмами», созданием воображения отдельных людей; люди просто своим личным переживанием придают в этой форме какое-то будто бы объективное, от них не зависящее бытие.

Какими бы естественными ни представлялись на первый взгляд такие утверждения, что единственной реальностью является отдельный человек и что помимо отдельных людей, собравшихся вместе, мы ни о каком еще обществе как об особой реальности говорить не можем, со всем этим мы согласиться не можем. Можно привести целый ряд соображений и наблюдений, которые говорят против подобного отношения к обществу. Наблюдение показывает, что масса собравшихся вместе людей вовсе не представляет собой простой суммы этих людей. Если бы это было так, то свойства этой массы также сводились бы просто к суммированию тех свойств, которыми наделены ее участники каждый в отдельности. Между тем факты показывают нам, что у массы, у толпы в данном случае, есть такие свойства, которые только ей принадлежат, которые только в ней возникают, которые не появлялись бы у отдельных людей, если бы они не находились в толпе. Опыт показывает, что люди, собравшиеся в густой толпе, легко возбуждаются; если толпа охвачена каким-либо общим настроением, то ее возбуждение быстро растет и может достигнуть величайшего напряжения. Разбушевавшаяся толпа не помнит себя; ее участники способны совершать ужасные по своему зверству поступки; во время французской революции бывали случаи, что участники толпы не только растерзывали свои жертвы, но даже жарили убитых ими людей и съедали их. Выйдя из толпы и опомнившись, отдельный человек часто не может даже понять, как он мог совершить подобные поступки. Уголовные суды считаются с такими обстоятельствами и смотрят на пребывание преступника в толпе как на обстоятельство, уменьшающее вменяемость и ответственность за преступление; толпа увлекает за собой человека, она тащит его какой-то неотразимой

силой в таком направлении, в котором он, действуя в одиночку, не пошел бы. Если в густо наполненном публикой театре кто-нибудь крикнет: «Пожар!», то начинается страшная паника; люди, потеряв голову, бросаются с мест, происходят давка и беспорядок, в результате которых люди не находят выходов, загромождают найденные и массами погибают. Если бы в театре было мало людей, то можно ручаться за то, что ничего подобного не произошло бы; немногим людям не только физически легче было бы выйти из охваченного огнем здания, но они не так потерялись бы, между ними не возникло бы того страха и ужаса, который специально именуется «паническим» и характерен для толпы людей.

Все подобного рода наблюдения доказывают нам, что толпа людей вовсе не есть простая сумма своих участников. Мы видим, что в ней развиваются такие процессы, для развития которых необходима именно наличность толпы. В толпе есть свои собственные свойства, которые мы не можем назвать свойствами отдельных ее членов. Поэтому мы имеем полное право утверждать, что толпа живет своей особой жизнью, что она действует и воздействует на своих участников. Последние под влиянием толпы ведут себя не так, как они вели бы себя, действуя в одиночку. Можно ли при таких условиях говорить, что толпа нереальна, что реальны только отдельные люди, в нее входящие, самая же толпа есть просто сумма этих людей, но не особое единство? Ведь мы признали, что толпа воздействует на своих членов и, возбуждив их в известном направлении, заставляет их совершать известные поступки; в этих поступках мы усматриваем действие самой толпы; мы говорим: «Толпа растерзала свою жертву, она наслаждалась ее мучениями и т. п.». Но как же может быть недействительно то, что действует и воздействует? Один из крупнейших философов нашего времени выставляет общее положение, что то, что действует, реально; чем больше действительности, тем больше реальности. Толпа не только реальное существо, но она сильнее, чем отдельный человек, она увлекает за собой отдельных людей и заставляет их делать то, чего они в одиночку не сделали бы.

Таким образом, общество людей имеет свои особые свойства, как мы в этом убедились на примере толпы. Можно пойти дальше и утверждать, что общество создает и свои особые продукты, творит то, чего не может создать отдельный человек. Лучшим примером такого продукта общественной деятельности является язык, на котором мы все говорим и при помощи которого понимаем друг

друга. Кто создал язык? Его не выдумали отдельные люди. Современная наука не объясняет себе происхождения языка ни тем, что он самим богом внушен человеческому роду, ни тем, что различные языки выдумывались отдельными изобретателями, которые затем обучили им своих товарищей. Язык развился именно в процессе человеческого общения, как естественный продукт массового творчества. Люди делают жесты руками и ногами, они произносят разнообразные звуки; эти жесты и звуки сопровождают собой различные события в жизни людей. Они служат для призыва на помощь, для предостережения от опасности, для подражания звукам, слышимым в окружающем мире, например, пению птиц, рычанию хищных животных, они ритмически сопутствуют в виде напеваемой песенки работе, которую совершают люди. В одинаковых случаях люди издают более или менее одинаковые звуки, так как люди устроены в общем одинаково и поэтому сравнительно однообразно отзываются на всякие события своей жизни. Понемногу известного рода жесты или звуки прочно соединяются с каким-нибудь одним переживанием и начинают служить для его обозначения. Так, звук, которым призывают на помощь, начинает всеми пониматься именно в этом смысле; ритмический припев, которым сопровождается какая-нибудь работа, начинает обозначать собой самую эту работу или инструмент, которым она производится. Таким путем возникает всем понятный язык, состоящий частью из слов, частью из других жестов. Кто его выдумал? Все и никто. В таких процессах все члены общества одновременно бывают и изобретателями, и подражателями. То, что сделает один, повторяется другим, но при этом подражатель может внести от себя какое-нибудь изменение. С разных сторон возникают изобретения, стремящиеся разными способами удовлетворить одной и той же потребности. Один означает работу или выражает чувство одним путем, другой по-другому. Все эти изобретения сталкиваются между собой. В конце концов, какое-нибудь из них получит успех, вытеснит другие и получит общее признание, вернее, войдет во всеобщее употребление. Так появляются всем понятные слова и выражения языка, на котором говорит данное общество. Язык оказывается продуктом массового творчества. Он не выдуман отдельными людьми, но создан обществом как особым целым. К этому следует добавить, что если бы не было общества, если бы люди жили в одиночку, то язык и вообще не появился бы, так как он тогда ни к чему не был бы нужен. Язык необходим как средство общения людей между собой. Не было бы

общения, не возник бы и язык. И в этом отношении язык представляет собой продукт общества.

Все эти рассуждения убедили нас в том, что общество обладает своими особыми свойствами, которые нельзя рассматривать как свойства отдельных его участников, потому что они проявляются только тогда, когда люди действуют в обществе, а не в одиночку, и именно под влиянием того, что они действуют в обществе. Сверх того, общество создает свои собственные продукты, которые не могут быть названы произведениями отдельных людей. Язык выработан совместной деятельностью многих людей и многих сменяющих друг друга поколений. Можно ли открыть, что именно внесено в него отдельными людьми? Были здесь, конечно, отдельные изобретатели, но их роль была так ничтожна, напротив, такое огромное значение имел процесс усвоения языка целыми массами людей, что мы должны говорить о языке как о продукте массового, общественного творчества. Но разве то, что обладает особыми свойствами и создает свои особые продукты, не должно быть рассматриваемо как особого рода реальность, как особое единство, как особый предмет? Не обязаны ли мы признать этим самым, что общество есть реально существующее и действующее единство, не представляющее собой простой арифметической суммы своих участников?

Тут возникает, однако, опять старый неотвязный вопрос: как же мы будем говорить об обществе как об особом предмете, когда мы его не видим? Если соберутся люди в толпу, то мы видим по-прежнему отдельных людей, но мы не видим еще толпы как особого предмета.

Чтобы покончить с такими сомнениями, следует раз навсегда отказаться от обычного предрассудка, будто реально существует только то, что мы можем видеть, осязать, обонять или слышать. На самом деле это далеко не так. Мы не сомневаемся в реальности дома или дерева, которые находятся перед нами и на которые мы смотрим. Мы видим эти предметы, стало быть, они существуют. Но следует признать, что есть реальность, гораздо более к нам близкая и гораздо более непосредственно нам известная, чем все окружающие нас предметы, которые мы можем видеть и осязать, хотя эта реальность невидима, неслышима и неосязаема. Мы видим дом и не сомневаемся в его реальности именно потому, что мы его видим. Но что же сказать о самом факте нашего видения, о том обстоятельстве, что мы этот дом видим? Реально ли самое наше ви-

дение дома? Как будто реальности его отрицать невозможно: если бы мы не видели на самом деле дома, то и дом для нас не существовал бы. А можем ли мы видеть наше видение, слышать наше слышание, осязать наше осязание, обонять наше обоняние? Ясно, что нет. Таким образом, самый факт видения реально существует, хотя мы его не видим, существует слышание, хотя мы его не слышим, осязание, хотя мы его самого не осязаем. Реально не то только, о чем нас уведомляют наши так называемые внешние чувства; реальны, прежде всего, сами эти внешние чувства, хотя они составляют реальность невидимую, неслышимую, неосязаемую, недоступную обонянию. Наши внешние чувства или, точнее, доставляемые ими ощущения, относятся к области того, что мы называем духовными переживаниями, психическими явлениями и что мы противопоставляем в качестве особого мира окружающим нас предметам в пространстве, физическому миру. Духовный мир состоит из ощущений, представлений, чувствований, мыслей, волевых решений. Все это протекает во времени, но не занимает никакого пространства. Мы не можем сказать, что мысли наши находятся в мозгу. В какой сильный микроскоп мы ни рассматривали бы мозг, мы там не видели бы мыслей как особых веществ; если бы мы химическим путем разложили мозг на его элементы, то не нашли бы в реторте мыслей или чувств. Все эти духовные процессы протекают при содействии процессов телесных, но они с ними не совпадают. Жизнь тела идет параллельно с духовными переживаниями, но ни тело из духовных процессов выводить нельзя, ни духовные процессы из телесных. Дело в том, что тело наше есть предмет в пространстве, который может менять свое место, двигаться. Мысли же, чувства или ощущения не представляют собой таких физических вещей, помещенных в пространстве. На них следует смотреть как на процессы, протекающие во времени, но не занимающие пространства. Непространственное не может быть выводимо из пространственного, протяженного. Приходится признать, что в природе существует известный дуализм физического и духовного, что реальность не исчерпывается только протяженными предметами, находящимися в пространстве; в нее входят духовные процессы, совершающиеся во времени, но не занимающие пространства. Эти духовные процессы и составляют ту реальность, которая сама невидима, неслышима и неосязаема, напротив, включает в себя самое видение, слышание и осязание, то есть те самые чувства, при помощи которых мы только и знакомимся с реальностью физических предметов, которые мы видим, осязаем, слышим.

Вот с этой-то точки зрения мы и можем понять, в каком смысле можно говорить об обществе как об особом единстве, помимо тех людей, которые его составляют. Чтобы это понять, следует только заменить слово «общество» другим, более подходящим к существу дела. Если вы поставите себе вопрос: существует ли толпа как общество, независимо от тех отдельных людей, которые в нее входят, то прежде чем отвечать на этот вопрос, замените слово «общество» словом «общение». Тогда вы вынуждены будете дать на поставленный вопрос ответ не отрицательный, а утвердительный. Вы скажете: да, толпа как процесс общения людей существует, и о ней можно говорить, как о чем-то особом от отдельных ее участников. Процесс общения составляет самую сущность того предмета, который мы именуем толпой. Этот процесс и увлекает за собой отдельных участников толпы. В нем-то и проявляются те особые свойства, которые мы называем свойствами толпы и которые заставляют отдельных людей то, к чему они в одиночку неспособны. Точно так же и язык мы называем общественным продуктом, потому что он сложился в процессе общения массы людей, причем эти люди друг на друга воздействовали и совместными усилиями создали то, чего никак не могли бы создать в одиночку и в чем их личное творчество осталось совершенно незаметным.

В этом смысле и следует решать вопрос о реальности общества. Общество не есть какое-нибудь физическое тело в пространстве, подобное телу отдельного человека: общества нельзя ни видеть, ни осязать. Но общество есть вполне реальный процесс общения, происходящего между отдельными людьми. Это общение состоит в том, что люди обмениваются мыслями, заражаются друг от друга чувствами, принимают общие решения и начинают совместно, целыми массами действовать в известном направлении. Духовное взаимодействие между людьми составляет то, что мы называем общественной жизнью. Этой жизни присущи, как мы убедились, особые свойства. Она создает и свои особые продукты. Поэтому она может и должна составлять предмет особого изучения. В этом смысле общество, несомненно, реально. Его можно определить как процесс духовного взаимодействия людей, обладающий своими свойствами и подлежащий действию своих собственных законов, законов общественной жизни или общественных процессов. Наука, которая изучает общество, свойства общества и процессы, составляющие жизнь общества, называется наукой об обществе, или социологией.

Перед нами собрание людей, жадно слушающее популярного оратора. Оратор развивает перед ним свои соображения. Слушатели постепенно проникаются его доводами и усваивают себе его чувства. Оратор негодует на какое-нибудь событие или осуждает какое-нибудь лицо. И вот постепенно настроение слушателей подогревается. Они начинают выражать свое негодование нетерпеливыми и угрожающими жестами и возгласами. Некоторые из них вскакивают с места и начинают грозить кулаками невидимому врагу. Раздаются призывы к действию. Толпа понемногу оживляется, начинаются общий говор и крики. Наконец, толпа, увлеченная своими вожаками, устремляется из места своего собрания на поиски намеченной жертвы, того лица, которое навлекло на себя гнев собравшихся людей. Толпа достигает свою жертву. Обезумевшие от гнева люди вытаскивают ее, начинают бить, забивают насмерть, наслаждаясь мучениями жертвы, и даже после смерти долго еще издеваются над трупом, раздевают его, отрубая голову, втыкают ее на пику и с торжеством носят по городу. Затем постепенно настроение падает, люди начинают расходиться по домам и успокаиваются. На другой день многие из них с ужасом вспоминают о происшедшем и не узнают сами себя. Они сознают, что ничего подобного не совершили бы, если бы не находились в возбужденной толпе.

Другое собрание. Оно занято деловым и спокойным обсуждением какого-либо важного вопроса. Вносится проект мотивированной резолюции. По поводу этого проекта делаются замечания, предлагаются другие проекты, отдельные изменения и поправки. По обсуждению вопроса по существу, ставится на голоса принципиальное решение. Принятая большинством голосов линия поведения считается обязательной для всего собрания; все его участники должны ей подчиниться. Затем голосуется резолюция, отвечающая по содержанию принятому принципиальному решению. Предварительно голосуются поправки, затем ставится на голоса резолюция в целом. Часто затем особой комиссией поручается придать резолюции с поправками окончательную грамматическую и стилистическую редакцию, и резолюция в окончательном виде принимается большинством голосов или даже единогласно.

Третий пример. Перед многолюдной аудиторией любимый профессор читает лекцию, содержание которой увлекает слушателей. На всех лицах написано напряженное внимание. Сам лектор поддается общему настроению и реагирует на него тем, что с осо-

бым увлечением излагает излюбленную тему, доказывает дорогие для него тезисы. Лектор сознает, что он не мог бы читать свою лекцию с таким подъемом, если бы его не окружала такая многочисленная и внимательная аудитория. Да и слушатели, если разберутся в своих переживаниях, сознаются, что они были охвачены каким-то особым чувством страшно напряженного внимания и интереса. Лектор не мог бы так читать свою лекцию перед пустыми стенами своего кабинета; слушатели не испытали бы чувства почти что экстатического внимания, которым охвачены были в аудитории, если бы просто сидели дома над книгой, излагающей те же самые мысли.

Можно ли отрицать в этих случаях реальность общества и общественных процессов? Ведь ясно, что агитатор и увлеченная им толпа подлежат совершенно особой закономерности, которая не изучается психологической наукой, но выходит за пределы психологии отдельного человека. Ясно, что принятая собранием резолюция не может быть рассматриваема как продукт индивидуального творчества того или иного лица: ведь в нее внесено много поправок, она окончательно отредактирована целой комиссией, отдельные ее элементы включены в нее только потому, что за них высказалось большинство участников собрания, да и вся она получила обязательную силу лишь в результате голосования. Все эти процессы также не изучаются в психологии, так как выходят за пределы ведения этой науки; а между тем изучать их следует, так как им присущи свои особенности, с которыми постоянно приходится считаться тем лицам, которые хотят воздействовать на собрание или руководить его ходом. И то, что происходит в аудитории, имеет все признаки общественного процесса. В этом смысле мы и можем сказать, что возбужденная толпа есть особая реальность, особый предмет рассмотрения, который нельзя свести к простой сумме отдельных людей, принимающих в ней участие: особую реальность составляет и обсуждающее какой-нибудь вопрос и принимающее решение деловое собрание; особую реальность составляет и внимательная аудитория. Войдя в аудиторию, мы не видим ничего, кроме тел отдельных людей. Но это не значит, что самая аудитория не составляет из себя особой реальности: такой реальностью оказывается тот процесс духовного взаимодействия между лектором и его слушателями, который создает в аудитории особенное настроение, сообщающееся лектору и отдельным слушателям, но не каждым из них в отдельности произведенное; это

настроение есть продукт социального взаимодействия собравшихся людей и выработано оно в порядке не психологической, но социологической закономерности.

Глава II. Общежительная природа человека

Отличия человека от низших животных. Связь членораздельной речи с абстрактным мышлением. Общественное состояние как условие появления и сохранения разумности. Общества животных. Социальный инстинкт. Силы, объединяющие и разъединяющие людей. Война и конкуренция. Границы общения; потребность в одиночестве. Подсознательная психика. Привычки и общественные традиции.

Уже Аристотель формулировал ту истину, что человек есть по самой своей природе общежительное животное. Хотя мы не имеем непосредственно дошедших до нас сведений о том, как появились на земле люди и как они жили в самые первые времена своего существования, но на основании многих косвенных данных мы можем утверждать с совершенной решительностью, что люди всегда жили обществами, что отшельнический образ жизни не согласен с природой человека. Мы можем защищать положение, что только в обществе человек сделался тем, что он представляет из себя, приобрел те свойства, которые его отличают от других животных, как существо в особенной степени разумное, и только в обществе он может сохранять и поддерживать свою разумность.

В самом деле, что отличает человека от низших животных? В духовной области отличительным признаком является способность человека к членораздельной речи и к так называемому абстрактному мышлению. Членораздельная речь сводится к тому, что человек произносит весьма разнообразные звуки, которые комбинируются в слова и предложения. Абстрактное мышление состоит в том, что человек создает такие понятия, которые не могут быть наглядно выражены каким-нибудь представлением, но обозначаются только словами как особого рода символами. Абстрактные понятия получают тем путем, что человек силой своего мышления расчленяет свои переживания на отдельные элементы и затем начинает обращаться с этими элементами как с самостоятельными понятиями, хотя бы они в действительности самостоятельного существования не имели. Так, видя перед собой предметы самых различных очертаний, человек создает особое понятие «формы» во-

обще, под которое подходит одинаково и форма круглая, и квадратная, и треугольная. Форму вообще мы не можем наглядно себе представить, так как ни одна наглядная форма не будет именно формой вообще; наглядный образ должен получить очертания либо круглые, либо квадратные и т. п. Или, имея дело с различными вещами, занимающими пространство, мы создаем понятие физического «тела» вообще, которое не есть ни камень, ни растение, ни глыба земли, а вообще нечто протяженное. Благодаря таким абстракциям человек создает научное знание. Все так называемые законы природы суть в высшей степени абстрактные формулы, в которых мы выражаем тот неизменный порядок, которому следуют простейшие процессы природы. В действительности, процессы природы встречаются в очень сложном и запутанном виде. Силою нашей абстрактной мысли мы их расчленим на простейшие элементы и тогда замечаем строгое единообразие в их течении. Это дает нам возможность, опираясь на знание общих законов, предсказывать последствия явлений. Основываясь на таком предвидении, мы получаем возможность и активно воздействовать на мир, преобразовывать его в духе наших интересов. Зная, что такое-то явление по законам природы непременно вызовет за собой такое-то другое, мы можем и намеренно содействовать появлению последнего; для этого нам нужно только озаботиться созданием первого, которое, как показывает наше знание, есть необходимая причина второго. Зная, что кусок руды плавится под влиянием огня, мы подкладываем огонь под этот кусок и тем приводим его в жидкое состояние; зная, что эта жидкость под влиянием охлаждения вновь застынет и примет форму того сосуда, в который она налита, мы отливаем из полученного расплавленного металла предметы, которые нам нужны. Животные неспособны к абстрактному мышлению, поэтому у них нет научного знания, нет и возможности активно перерабатывать окружающий мир. Абстрактное мышление делает из человека разумное животное и обращает его в господина окружающего мира.

Между тем, как уже указано, абстрактные понятия не могут быть выражаемы какими-нибудь наглядными образами. Мы можем с ними обращаться только при помощи слов, которыми мы их обозначаем. Мы мыслим словами. Если бы в нашем распоряжении не было слов, то мышление абстракциями психологически не было бы возможно. Таким образом, развитие абстрактного мышления шло рука об руку с развитием членораздельной речи, языка. А мы уже

знаем, что язык является продуктом общения, что он появился в результате общественной жизни и не был бы ни нужен, ни возможен, если бы люди не жили в обществах. Таким образом, только в обществе человек стал животным говорящим, и только в качестве говорящего животного он сделался абстрактно мыслящим, то есть разумным в высокой степени. Этот смысл и имеет наше утверждение, что лишь в качестве общежительного животного человек стал человеком, существом, духовно отличным от других животных и стоящим выше их. Общественность есть то состояние, которое произвело человека как духовную величину. Люди всегда были общежительными животными и не могли быть иными.

Общественность есть и необходимое условие сохранения приобретенной человеком разумности. Длительное лишение человека возможности находиться в общении может привести к ослаблению и даже полному расстройству духовной жизни. Таковы бывают часто результаты долго продолжающегося одиночного заключения. К таким же последствиям приводят всякого рода робинзонады, то есть пребывание человека в необитаемом месте, например, в результате кораблекрушения. Человек, остающийся без общества, утрачивает способность к речи, его умственная деятельность ослабевает.

Из всего изложенного ясно, что общественность составляет природное свойство человека. Люди унаследовали общежительность, очевидно, от своих животных предков. Мы не знаем в точности, каковы были эти предки, так как современная наука не выяснила в точности самого процесса происхождения человека, не располагая историческими данными по этому вопросу. Но одно можно сказать с уверенностью: что предки эти были стадными животными. Это тем более вероятно, что стадность вовсе не является каким-либо исключительным явлением в мире живых существ, стоящих ниже человека.

Едва ли правильно было бы называть лес обществом растений, так как здесь не имеется самого главного признака общества – духовного взаимодействия. Поэтому не являются обществами в моих глазах и те стаи рыб, которые в солнечную погоду разгуливают по поверхности пруда или реки. Но уже несомненным обществом является стая перелетных птиц, которая меняет теплые края на холодные или наоборот: здесь есть планомерное действие массового характера, и известная степень духовного взаимодействия, хотя бы на почве инстинкта, необходима. Еще в большей степени обще-

ствами оказываются семейные союзы птиц и некоторых млекопитающих, которые могут продолжаться довольно долго и в которых проявляется забота старших поколений о младших, доходящая иногда до самопожертвования материнская любовь, ревность и т. п. чисто социальные чувства. Травоядные животные обыкновенно живут большими стадами, которые более обеспечивают их существование, нежели жизнь в одиночку. В этих случаях мы встречаемся уже с вожаками стада, конечно, не избираемыми, но часто сохраняющими свою первенствующую роль в стаде продолжительное время, с часовыми, выставляемыми во время отдыха стада, и с иными проявлениями социального строя. Особой сложности достигает этот строй в таких обществах насекомых, как пчелиные ульи и муравейники, где проведено довольно сложное разделение труда, имеются нечто вроде общественных классов и даже зачатки собственности.

При таких условиях неудивительно, что человек принадлежит к стадным животным по природе. Жизнь в обществе оказалась полезным свойством еще для его предков, и общежительный инстинкт закреплен был за ними естественным отбором. Инстинктом называется приобретенная организмом и передаваемая по наследству способность совершать известные действия, полезные для существования или отдельной особи, или целого животного вида. Инстинкт действует у животных слепо, не освещаясь сознанием, но дает возможность животным выполнять иногда чрезвычайно сложные действия с необыкновенной точностью. При помощи инстинкта бобры строят свои плотины, пчелы сооружают свои ульи и соты, насекомые заботятся о своем потомстве, которого они часто даже никогда и не увидят, так как обречены на смерть раньше его появления на свет. К числу таких темных влечений и способностей принадлежит и общежительный инстинкт многих животных и человека. Он с безотчетной силой влечет наделенное им животное к общению с себе подобными. Сила общежительного инстинкта проявляется уже у маленького ребенка, который начинает жалобно плакать, когда замечает, что около него никого нет; ему становится жутко, хотя он настолько еще мал, что плодом сознательного размышления это чувство никак не может быть считаемо. Просто говорит закрепленный веками инстинкт, влекущий к общению.

Социальный инстинкт человека довольно сложен по своему содержанию и проявляется в разнообразных эмоциях, которые самопроизвольно и независимо от работы сознания возникают у людей

на почве общения, среди этих эмоций есть такие, которые влекут людей друг к другу, но есть и такие, которые их разъединяют и которые также образовались на почве жизни в обществе, как средство самосохранения индивида от тех нападений и опасностей, которыми ему грозит та же общественная жизнь. На почве общежительного инстинкта проявляются такие эмоции, как нежность, характерная для материнской любви к потомству, одного из самых альтруистических чувств, какие только имеются вообще, как потребность в симпатии, то есть в сопереживании чужих чувств, в сочувствии к чужим радостям и страданиям, как самая симпатия, то есть способность проникаться чужими эмоциями и до известной степени их разделять, как склонность к подражанию, то есть к бессознательному воспроизведению тех движений и жестов, которые исходят от рядом стоящего существа. Все эти эмоции способствуют сплочению людей в более или менее обширные общественные группы, существование в которых больше обеспечивает жизнь индивида, чем одиночество. Благодаря чувству нежности и симпатии родители воспитывают своих детей, которые в человеческом роде долго пребывают в беспомощном состоянии, но зато ко времени вступления в самостоятельную жизнь успевают накопить значительный запас полезных навыков и знаний. Такие же тенденции, как склонность к подражанию, к воспроизведению чужих жестов и движений, играют огромную роль в процессе взаимного понимания людей. Человеку свойственна склонность подражать чужим движениям совершенно безотчетно и бессознательно. В особенно чистом виде проявляется эта склонность у некоторых животных, например, у обезьян, и у маленьких детей, которые «обезьянничают» поведение взрослых. Тот, кто подражает, воспроизводит только внешние движения своего образца; но с этим связано известное сопереживание и тех душевных состояний, которые вызвали у предмета подражания жесты и движения, служащие для копирования. Так люди и начинают понимать друг друга; они начинают связывать с определенными жестами переживание определенных духовных состояний, и жесты становятся благодаря этому средствами сообщения друг другу об этих состояниях. Степень понимания людей зависит от степени их склонности к подражанию. Подражание бывает самопроизвольное, когда его инициатива исходит от самого подражающего. Но оно может быть вызвано и тем лицом, которому подражают; тогда мы имеем дело со внушением, исходящим от этого лица. Внушение может быть прямым, когда в нем содержится не-

что подобное приказанию совершить известный поступок; оно может быть и непрямым, когда достигается косвенным давлением на другое лицо, наводящим его на необходимость совершить тот или иной внушаемый ему акт. Внушающее лицо обладает известной властью над внушаемым. На этом покоится такое явление в человеческих обществах, как престиж: известное лицо окружено в глазах других каким-то ореолом, который делает его предметом особого внимания и послушания. Престиж покоится либо на личных свойствах индивида, на его особой даровитости или властности, или же бывает результатом особо видного положения, которое он занял в обществе, независимо от своих личных талантов; таков престиж наследственного монарха.

Но в обществе действуют не только силы, объединяющие людей. Большое значение здесь получают и такие эмоции, которые отталкивают людей друг от друга, разъединяют их. Эти эмоции получили также инстинктивный характер, так как постепенно внедрили в организм благодаря вековому действию отбора. Они также оказались полезными в борьбе за существование. Сюда относятся такие эмоции, как страх или отвращение, побуждающие бежать от опасного предмета, как гнев, побуждающий на него нападать для его уничтожения или устранения, как самоутверждение и склонность к властвованию над другими, как ревность и зависть, как стыдливость. Все подобные эмоции заставляют людей остерегаться друг друга, относиться друг к другу с недоверием, нападать друг на друга и подчинять других своей власти насильственным путем. Из этого источника проистекают такие общественные явления, как ссоры, войны, конкуренция. Разница между войной и конкуренцией состоит в том, что война является прямым нападением друг на друга соперников в борьбе за существование. Конкуренция же сводится к тому, что два соперника, не нападая прямо друг на друга, гонятся за каким-либо одним и тем же предметом; тот, кто одержит верх в этой погоне, может тем самым лишить своего соперника возможности существовать и так его погубить. О конкуренции мы говорим, когда два купца или фабриканта стремятся отбить друг у друга покупателей или когда два влюбленных соперничают между собой из-за расположения к ним одной и той же особы другого пола.

Ссоры, войны и конкуренция разных типов в значительной степени разъединяют людей и разрушают общежития. Все эти процессы вызывают жертвы, принимающие иногда массовый характер.

Тем не менее есть у этих процессов свои энтузиасты и защитники. Так, существуют принципиальные защитники войны. Они указывают на то, что слишком продолжительный мир и покой приводят в истории к расслаблению народов и к падению общественной нравственности. Люди, привыкшие к обеспеченной жизни в обществе, пользующемся благоустройством, уходят в свои частные дела, начинают преследовать только свои личные выгоды и при этом забывают о том общественном целом, к которому принадлежат и которое именно и гарантировало им мирное и обеспеченное существование. Они утрачивают склонность к общественным делам, проникаются эгоизмом и становятся неспособными приносить жертвы на пользу общую. В результате все общественное целое может ослабеть и легко стать добычей внешних врагов. Напротив, войны сплачивают те народы, которым приходится нападать или, тем более, обороняться, воспитывают в людях способность приносить себя в жертву для общего блага, вскрывают всякие недостатки общественного и государственного строя, которые мало обращают на себя внимание в мирное время. Защитники войн утверждают, что война представляет собой справедливый суд истории над государствами, так как жертвами ее оказываются слабейшие.

Конечно, с подобного рода взглядами нельзя согласиться. Войны приводят к гибели слабейших, но слабость вовсе не всегда есть признак неправоты, и победа силы вовсе не необходимо связана с торжеством справедливости. Таким образом, если война и является судом истории над народами, нет никакой поруки в том, что суд этот отвечает требованиям справедливости. А с другой стороны, самый процесс этого суда слишком жесток и ужасен.

Можно согласиться с тем, что слишком большая обеспеченность и безопасность портят и развращают людей, делают их изнеженными эгоистами. Таким образом, людям полезна и даже необходима борьба. Но из этого не следует, что борьба эта непременно должна получить характер кровопролитной войны. Кроме борьбы с оружием в руках существует борьба аргументами и убеждением. И эта борьба вовсе не в меньшей степени, чем вооруженная борьба, развивает в людях мужество, стойкость и склонность жертвовать собою на пользу общую. Стойко защищать свои убеждения иногда бывает очень трудно и опасно, как показывает судьба многих мучеников за идею, именами которых пестрит человеческая история. Но в то же время подобная борьба ведется все-таки менее жестокими средствами и по своему характеру более достойна духовной

природы человека, чем кровопролитные войны; ее исход лучше обеспечивает и торжество справедливости: проповедник какой-нибудь новой идеи может сам погибнуть в борьбе за ее осуществление и проведение в жизнь, но часто самая его гибель служит для вящего торжества защищаемой им истины.

Люди настолько сложные существа, что в их социальной жизни действие сил объединяющих и разъединяющих скрещивается и разъединяющие силы часто приводят к большему напряжению объединяющих. Так, нападение врага на какую-нибудь страну может морально встряхнуть и освежить обороняющийся народ, привести к устранению тех пороков, которые разлагали его общественную жизнь и ослабляли его государственность. Жизнеспособный народ выходит из тяжелых испытаний и бедствий, создаваемых борьбой за существование, часто обновленным и освеженным и с новыми силами продолжает свое социальное строительство.

При всем огромном значении, которое общественность имеет в жизни человека, и она имеет свои границы. Человеку присуща не только склонность к общению, но и потребность в уединении. Чрезмерно развитая жизнь на людях становится тягостной и может сделаться невыносимой. Этим объясняется тяжесть существования в армейских казармах или в закрытых учебных заведениях. Время от времени человек должен уединяться и пребывать с самим собой. Не все содержание нашей духовной жизни мы готовы сообщить другим людям. Есть известный элемент тайны, который нам дорог и который мы стараемся скрыть от окружающих. Иногда люди прибегают даже к тому, что не только скрывают от других свои духовные содержания, но умышленно вводят их в заблуждение относительно них. Тогда мы говорим уже не о тайне, но о лжи. Путем тайны и лжи люди замыкаются друг от друга, разрывают те связи, которые создает между ними общежителный инстинкт со всеми его разнообразными проявлениями.

Общежителный инстинкт, как и всякий инстинкт, действует бессознательно. Он является результатом тех физиологических, а иногда анатомических изменений, которые накопились в организме веками и укрепились действием отбора и передачи по наследству. Но не одни только те действия, которые порождаются инстинктом, имеют бессознательный характер. Бессознательная или подсознательная психическая жизнь вообще играет видную роль в существовании человека. Современная психология пришла к выводу, что деятельность, освещенная сознанием, составляет во-

обще только сравнительно малую часть нашего духовного бытия. Очень много духовных процессов происходит в нас, не переходя порога сознания, и в сознание вступают часто только готовые результаты этой подсознательной деятельности психики. Подсознательная психика является прежде всего хранильницей всего предыдущего опыта. Наше сознание довольно узко и в каждый данный момент вмещает в себя очень ограниченное содержание непосредственных переживаний момента. Но в него постоянно выплывают из глубины подсознания образы прошлого, которые человеком узнаются именно как воспоминания о прошлом; эти воспоминания приводят к тому, что в нашей духовной жизни получается единство и что в ней постепенно накапливается богатый запас духовных содержаний, которым можно пользоваться и в сознательной деятельности для разных целей. Только на этой почве и возможен духовный рост личности, ее обогащение новыми знаниями, сложными и утонченными чувствованиями. Дело в том, что подсознательная психика не только хранит, но и творит. Она соединяет хранимые ею содержания в новые сочетания и в этом виде преподносит их сознанию. Сознание уже выбирает из этих сочетаний то, что окажется для него пригодным. Когда эта творческая работа подсознания не контролируется сознанием, то она получает беспорядочный характер. Так возникают фантастические и хаотические сновидения. Но той же работой подсознательной психики объясняются и внезапно появляющиеся у человека новые плодотворные идеи и чувства – то, что мы называем приступами творческого откровения и изобретения. В подсознательной же психике возникают разного рода чувства, эмоции, происхождение которых часто для нас непонятно. Человек может проснуться утром в состоянии какой-то безотчетной грусти, подавленности или, напротив, бодрости; он сам не знает происхождения этих настроений: они созданы его подсознательной жизнью и имеют там свои причины, неясные часто для сознания. Наконец, подсознательная жизнь имеет для людей то значение, что в ней создаются так называемые навыки, привычки. Если мы долго упражняемся в каком-либо действии, то оно мало-помалу механизмуется. Мы начинаем выполнять его бессознательно, по привычке. Этим путем наша сознательная жизнь освобождается от многих задач и работа сознания может обратиться на другие цели. Например, человеку приходится учиться ходить, говорить, писать, одеваться. Но все эти действия мало-помалу настолько входят в привычку, что совершаются автоматически,

бессознательно, и совершая их, человек может думать о другом. Искусство писать плохо служило бы нам, если бы мы постоянно вынуждены были сознательно следить за тем, как мы пишем; тогда мы не могли бы обращать должного внимания на содержание написанного. На самом же деле хорошо грамотный человек может совершенно забыть о самом процессе письма, который стал для него механическим, и всецело отдаться сознательному контролю содержания написанного им.

Привычки, таким образом, нам очень полезны. Но они могут оказаться и вредными, если упорно держатся при таких условиях, когда оказываются невыгодными. Тогда мы говорим о дурных, застарелых привычках, с которыми подчас трудно справиться, так как они стали второй нашей натурой. Борьба с дурными привычками является одной из трудных задач в нравственном развитии человека. Трудным делом является и сознательное воспитание в себе новых навыков, которые человек считает для себя полезными. Однако такое дело хотя и трудно, но может дать великие результаты. Воспитывая в себе полезные привычки и освобождая себя от дурных навыков, человек может радикально переделать свой характер. Если мы можем с большим успехом упражнять наше тело в разных направлениях и, например, выучиться легко и грациозно ходить по канату, то чего же не можем сделать мы с нашей психикой, которая гораздо более подвижна и более поддается воспитанию, чем наше тело? Вот почему человек и не может оправдывать свое поведение ссылкой на то, что таков уж его характер, таким он родился. Каждый из нас может переделать свой характер путем воспитания в себе полезных привычек и подавления вредных навыков. В этом смысле каждый человек является хозяином своего поведения; на этом покоится и наша ответственность за поступки и речи.

Подсознательная психика дает себя знать в жизни не только отдельных людей, но и целых человеческих обществ. У людей, живущих общественными группами в более или менее одинаковых условиях, возникают однородные привычки, которые оставляют свой след в глубинах подсознательной психики, и эти люди начинают в известных отношениях походить друг на друга своими душевными особенностями именно благодаря общности условий жизни. Этим объясняется возникновение народных или национальных характеров. Конечно, отдельные люди, входящие в состав той или другой национальности, могут быть бесконечно разнообразны по строю своей психической жизни, по своим личным характерам

и темпераментам. Но общность исторических судеб, пережитых народом, приводит к тому, что у этих людей является кое-что общее и в их душевных свойствах. Бывают открытые и угрюмые характеры между русскими, англичанами и французами; но русский сангвиник будет вести себя не совсем так, как английский, если только оба они принадлежат к числу типичных представителей своей национальности. Наличие национальных характеров приводит к тому, что существует известное сходство между представителями каждой национальности, и чем зауряднее индивид, чем меньше в нем личных особенностей, тем больше может быть он пропитан этими национальными свойствами. Великие люди, в высокой степени одаренные, также могут выявлять в себе какую-нибудь национальную черту и тогда они выявляют ее даже с особенной яркостью и силой; но в их творчестве может быть много и чисто индивидуального, им лично присущего. О национальном характере поэтому лучше всего можно судить только по массовым процессам и движениям, в которых стираются личные особенности отдельных людей и больше выступает наружу то, что является всем им общим духовным содержанием. Часто при этом история дарит нас неожиданностями. Какое-нибудь потрясение в народной жизни заставляет проявиться во внешних действиях масс такие духовные черты, которые не находили долго себе применения и о которых забыли. Например, народ, считавшийся высококультурным, может в моменты таких потрясений проявить дикость и жестокость, которыми отличались отдаленные предки этого народа, или народ, который считается изнеженным и невоинственным, может проявить чудеса храбрости, также отличавшей в свое время его предков. Ясно, что всякому, кто имеет дело с человеческими обществами и народами, необходимо считаться с проявлением подсознательной психики, если он хочет избежать грубых и роковых ошибок. Часто в истории политические реформаторы, полководцы и дипломаты терпели жестокие неудачи именно на почве незнания того, что таится в глубинах подсознательной психики людей и чем определяется характер массовых процессов, поведение толпы, класса и даже целого народа.

Основное положение, которое должен себе усвоить всякий, приступающий к изучению социологии, состоит в том, что, имея дело с человеческими массами, не следует преувеличивать значения контролирующего сознания в их жизни и деятельности, но надлежит постоянно помнить о том огромном значении, которое

получает в их бытии унаследованный инстинкт и глубоко заложенные в подсознательной психике навыки и тенденции, темные силы, часто стихийно вмешивающиеся в ход событий и определяющие направление исторических процессов совершенно независимо от выкладок нашего сознательного рассудка. В истории очень многое определяется этими темными силами, и ход ее лишь в слабой степени зависит от наших сознательных планов и расчетов.

Большой интерес для социологической науки представляет вопрос о том, могут ли человеческие психики вступать в подсознательное сообщение между собой. Такие явления, как гипнотические внушения, показывают, что такое сообщение возможно и происходит. Но эта область пока еще малоизучена, и социологу приходится останавливаться главным образом на процессе сознательного общения людей между собой, не теряя, однако, из вида значения и влияния подсознательных психических процессов. В дальнейшем мы перейдем к изучению механизма сознательного общения людей между собой.

(Продолжение следует.)